

М. В. Кузнецова

ПАРАТЕКСТ В КНИГЕ С. ЗАВЬЯЛОВА «МЕЛИКА»

Книга современного поэта и филолога-классика Сергея Завьялова «Мелика» (2003) представляет собой уникальное явление в литературе. Поэт А. Скидан, например, сравнивал ее с партитурой и полагал, что для ее чтения необходимо особое устройство внутреннего слуха, неразрывно связанное с глазом [1, с. 53]. В данной работе мы рассмотрим, как эта особенность книги проявляется на уровне паратекста, и покажем, какие еще условия необходимы для адекватного прочтения этой книги.

«Мелика» насыщена элементами паратекста, в которых превалирует античная составляющая. Прежде всего, обращает на себя внимание название книги, которое раскрывает ее содержательный план, осуществляет привлечение и «отбор» читателей посредством апелляции к их фоновым знаниям, способствует пониманию лингвокомпозиции и композиционного членения текста вообще. Слово «мелика» в названии книги формирует первичный горизонт ожидания, которым для читателя, незнакомого с творчеством С. Завьялова, является мелика в традиционном смысле этого слова, т. е. нечто подобное «*Poetae Iyrici Graeci*» Т. Бергга или полный «культурный континуитет» с античными монодийными мелическими поэтами или представителями хоровой мелики. Это, несомненно, присутствует и проявляется на уровне явных и скрытых цитат (чаще из Сапфо, Пиндара), многочисленных аллюзий, схожего с древнегреческой хоровой меликой разнообразия и богатства ритмических форм. Однако единственное стихотворение в книге, в котором неподготовленный читатель увидел бы ожидаемое, это «Сапфические строфы», написанные русской сапфической строфой. Горизонт ожидания подготовленного, т. е. знакомого с творчеством поэта читателя составляет «новая мелика». Здесь особенно важен такой элемент паратекста, как «имя автора» [2, с. 37], поскольку подготовленный читатель, знакомый с предыдущими стихотворениями поэта, знает, что он не ограничится простым культурным заимствованием. Подтверждение этому находим в следующем паратекстовом элементе, авторском предисловии, в котором поэт указывает на способ подхода к традиции, стихотворную технику, использованную в данной книге.

Автор говорит о двух выходах из ситуации исчерпанности поэтической традиции. Первый выход – кинический, т. е. с отрицанием предыдущей

парадигмы. Выход второй, филологический, предусматривает «диагностику» обветшавшего механизма и «трансплантацию» новых источников питания, но с поддержанием культурного континуитета, как реформа греческого стиха в ранней Византии или как групповой выход из-под силлабо-тонических развалин. Собственную стихотворную технику С. Завьялов называет «новой меликой» [3]. Эта техника демонстрирует разрыв с силлабо-тоникой и создание собственной манеры поэтической речи с ориентацией на античные образцы. Таким образом, автор манифестирует собственный вариант преодоления традиции – «филологический выход».

Глубина и сложность предпринятого поэтом обновления могут быть осознаны только на фоне представления о широком разнообразии современных видов стихотворной техники – ритма, рифмы, строфики, а также способов бытования стихотворного произведения – визуального, аудиального и др. В статье Ю. Б. Орлицкого «Современная русская поэзия в свете концепции необходимого разнообразия», рассматривающей пути и способы преодоления силлабо-тонической традиции, мы находим десятки имен крупных современных поэтов, меняющих «картину русского стиха, палитра которого постоянно расширяется» [4, с. 206]. В числе поэтов, обращавшихся к сапфическим и другим античным строфам, логоэду, гекзаметру, т. е. к античной метрике и строфике, Е. Шварц, Г. Сапфир, О. Седакова, В. Соснора, Г. Дашевский, М. Амелин, С. Гандлевский, П. Барскова. С. Завьялову, как отмечает Ю. Б. Орлицкий, принадлежит особое место в этом ряду [4, с. 95]. Мы отметили, что в предисловии поэт предложил своего рода манифест, обозначив собственную позицию и отношение к русской поэтической традиции. Другие элементы паратекста подтверждают метарефлексивную направленность экспериментов С. Завьялова.

В начале книги имеется своеобразный инициальный колофон, т. е. справка с указанием того, где, когда и какие циклы были опубликованы, как менялся состав циклов в книгах. Это пояснение необходимо, поскольку каждая книга С. Завьялова представляет собой особую художественную целостность, а некоторые стихотворения уже публиковались ранее в других книгах. Отсылая к ним, поэт адресует читателя к предшествующим художественным контекстам, конструирует многомерное пространство книги. Ту же функцию выполняет и оглавление, в котором традиционное резюмирование содержательной информации сочетается с намеренной путаницей в названиях частей книги, целью которой было вызвать у человека, знающего латынь, воспоминание об афоризме «*Audiat et altera pars*». Оглавление составляют

названия стихотворных циклов, расположенных в хронологическом порядке. По оглавлению можно проследить градацию интереса автора к заголовочному комплексу и одновременно усиление античных элементов, которые, из относительно небольшой группы в «Liber primus», в «Liber alter» становятся доминирующими. В «Liber alter. Pars prior» три цикла особенно богаты античными элементами в заголовочных комплексах: «Эпиграфы», «Хоры», «Elegiarum fragmenta». В «Liber alter. Altera pars» таких циклов четыре: «Диалоги в Царстве Теней», «Буколические мимы», «Horatii paraphrases. Carmina praeusta frigore» с подзаголовком «Парафразы Горация. Стихи опаленные холодом („отмороженные“ стихи)», «Declamationes horatianae. Carmina versibus liberis expressa» с подзаголовком «Декламации на горацианские темы (свободным стихом)». Кроме того, в двух последних циклах античные элементы имеются во всех названиях стихотворений.

Особо примечателен паратекст в цикле «Хоры», где стихотворения строятся по иногда намеренно деформированному образцу семичастной композиции описанного Поллуksom кифародического терпандрова нома. Поэтому в паратекст, помимо номера оды, ее названия и подзаголовка входят наименования частей нома: ἀρχή, μεταρχή, κατατρολή, ὄμφαλος, μετακατατρολή, σφραγίς, ἐπίλογος и указания на строфы и антистрофы.

Эпиграфы обычно даются в оригинале и русском переводе (некоторые в авторском). Среди 24 эпиграфов, заимствованных из 14 греческих и римских классиков, количественно выделяются Гораций (6) с его разнообразием метров и форм и Пиндар (3) как представитель хоровой мелики, т. е. можно сказать, что это самые «жирные точки» на карте художественных исканий С. Завьялова на момент выхода «Мелики» в 2003 г. Все эпиграфы в книге можно разделить на традиционные и нетрадиционные. Первые большинство, и они выполняют самые разные функции, например, помогают раскрыть тему произведения либо контрастируют с его содержанием, как строки из первой пифийской оды Пиндара в стихотворении «Согvus согvus». Нетрадиционные эпиграфы находим преимущественно в «античных» циклах. Для читателя, привыкшего к современному значению слова «эпиграф», они необычны, так как располагаются после основного текста. Примечательно, что последний античный элемент паратекста в книге, первая и четвертая строки из 4-й эклоги Вергилия к первому стихотворению цикла «Буколические мимы», тоже представляет собой нетрадиционный эпиграф.

Среди медиальных элементов паратекста особо выделяются маргиналии с указанием метров как в цитируемых текстах, так и в авторском, что доставляет

реципиенту, знакомому с ними, роскошь чтения с соблюдением правильного ритма. Также к медиальным элементам можно отнести пометки, показывающие деление на строфы и антистрофы в стихотворениях цикла «Хоры».

Таким образом, имеющиеся в книге перитекстовые [2, с. 16] инициальные и медиальные элементы (название книги, названия стихотворений, подзаголовки, «инициальный колофон», предисловие, оглавление, эпиграфы, посвящения, названия частей нома в цикле «Хоры», комментарии, маргиналии) работают на формирование горизонта ожидания и активизацию фоновых знаний читающего, а также указывают координаты художественных поисков С. Завьялова и степень преемственности литературной традиции. Они окружены эпитекстовыми [2, с. 9] элементами, которые выполняют в основном апеллятивную, оценочную, информационную и поясняющую функции.

Техника «новой мелики» в книге создается целым комплексом различных средств: античным колоритом, аллюзиями, скрытыми цитатами, отдельными непереведенными греческими и латинскими лексемами и игрой слов, частыми цитатами из греческих (не только античных) и римских авторов в эпиграфах и подзаголовках, собственно цитатами, названиями отдельных стихотворений, циклов и частей книг на греческом или латыни, архитектоникой, имитацией античных логоздов, нотацией с указанием метров, двойственной природой поэтики, сочетающей античное и современное. Используя весь этот комплекс средств, филолог-классик С. Завьялов рассчитывал, очевидно, на реципиента с классическим образованием. И хотя такое необычное литературное явление, как «Мелика», подобно александрийской ученой поэзии, может быть воспринято в полной мере лишь ограниченным кругом ценителей поэтического слова, эта книга – прекрасное доказательство возможности гармоничного сосуществования традиций античной и современной поэзии.

Литература

1. Скидан, А. В. Сопротивление поэзии: изыскания и эссе / А. В. Скидан. – Санкт-Петербург: Борей-Арт, 2001. – 229 с.
2. Genette, G. Paratexts thresholds of interpretation / G. Genette. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 427 p.
3. Завьялов, С. А. Мелика / С. А. Завьялов. – Москва: Новое литературное обозрение, 2003. – 166 с.
4. Орлицкий, Ю. Б. Современная русская поэзия в свете концепции необходимого разнообразия / Ю. Б. Орлицкий // Поэзия: опыт междисциплинарного анализа / под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева, Ю. Б. Орлицкого. – Москва: Смысл, 2015. – С. 49–209.